

возможность извлечь изъ вѣроученій и изъ лучшихъ образцовъ свѣтской науки и свѣтскаго искусства нѣкоторыя основныя правила морали позволить сдѣлать ихъ необходимою составною частью воспитанія. До сихъ поръ люди особенно охотно творили добро въ расчетѣ на загробное блаженство; но все чаще представляется случай наблюдать, что человѣкъ, далекий отъ догматовъ религіи, обнаруживаетъ дѣятельную любовь къ ближнимъ.

Такимъ можно представить себѣ духовный міръ нашихъ потомковъ, свободныхъ отъ религіозной догмы. Но и тогда не исчезнетъ все то, что Толстой приписываетъ легковѣрію людей и злоупотребленіямъ церкви. Не слѣдуетъ думать, что почти всѣ стануть чистыми деистами или матеріалистами. И среди людей высокаго умственнаго развитія найдутся такіе, которые будутъ держаться за метафизику религіи и охотно сохранять то, что относится къ ея обрядамъ. Многое въ обрядахъ христіанскихъ церквей—музыка, пѣніе, содержаніе и форма нѣкоторыхъ молитвъ, даже украшеніе храмовъ—отвѣчаетъ на художественныя запросы человѣка. Эстетическія потребности, все болѣе расширяясь, будутъ препятствовать тому, чтобы совсѣмъ и безслѣдно исчезли обряды христіанскихъ религій. А обращеніе къ метафизикѣ отошло бы въ область преданій лишь подъ условіемъ, чтобы ко всѣмъ нерѣшеннымъ задачамъ человѣкъ могъ идти путемъ наблюденія и опыта. Самъ Толстой, негодующій на метафизику христіанства, служитъ примѣромъ того, какъ велика сила вѣры въ сверхчувственное. Прошло больше двухъ тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Платонъ утверждалъ, что душа человѣка существовала всегда, что она не имѣетъ начала, а потому и не имѣетъ конца. Ничто не доказало обоснованности этого предположенія; однако, Толстой усвоилъ его и дѣлаетъ отправной точкой для разныхъ построеній. А разъ Толстой сроднился съ этой вѣрой, то есть ли основаніе сомнѣваться въ дальнѣйшемъ и продолжительномъ существованіи многого, что относится къ метафизической сторонѣ религіи?

Толстой упускаетъ изъ вида и то значеніе, которое въ теченіе многихъ вѣковъ имѣла церковь, какъ хранительница литературы, завѣщанной предкамъ, и насадительница просвѣщенія. Если бы не церковь, то было бы потеряно почти все, что оставили человѣчеству и первые вѣка христіанства—священное писаніе и творенія отцовъ церкви,—и языческая философія. При крайней склонности къ отрицанію, можно, разумѣется, сказать, что не